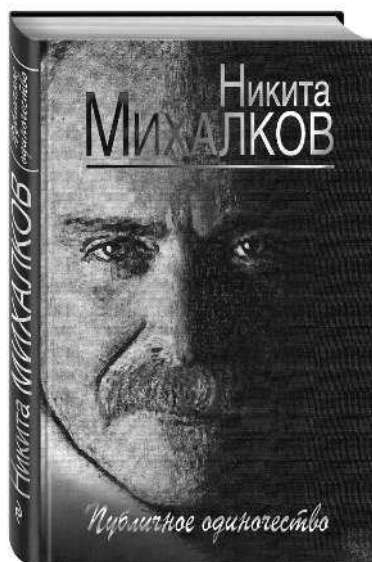
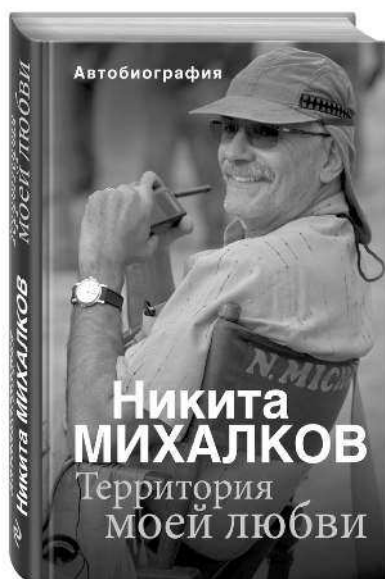
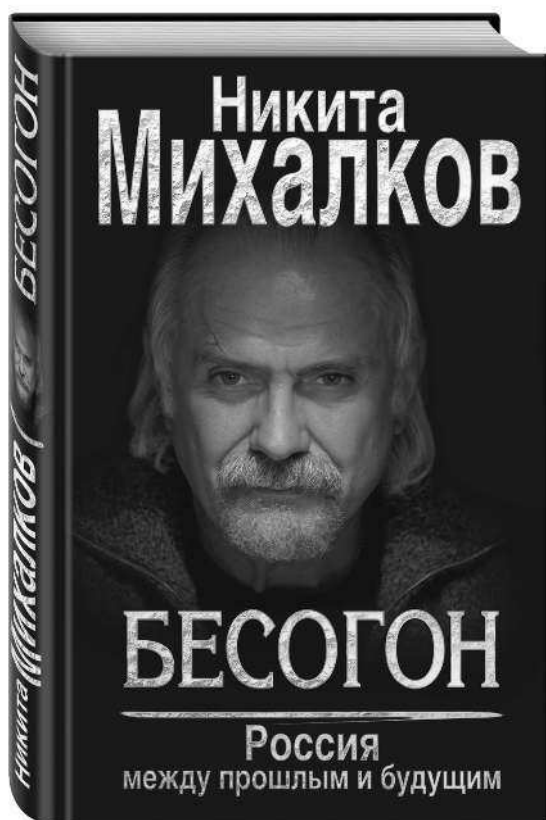

Читайте также книги
Никиты Михалкова

Интернет-магазин издательства: <https://fiction.eksmo.ru>
В электронном виде книги издательства
вы можете купить на www.litres.ru

Узнавайте о новинках в нашей группе «Время легенд» в Facebook:
<https://www.facebook.com/Время-легенд-456864947853689/>

Митикита
Михалков

.....

**МОИ ДНЕВНИКИ
И ЗАПИСНЫЕ КНИЖКИ
1972–1993**

«Что все приснилось мне?..»

Москва
2016

УДК 791.43.071.1(470)
ББК 85.374(2)6-8
М69

Фотографии на обложке *Н. Михалкова*

Фотография 4-й сторонке на обложке *В. Плотникова*

Креативный продюсер издания —
писатель, кинодраматург *Михаил Крутин*

Разработка серии *А. Саукова, Ф. Барбышева*

Фотоколлажи на обложке и форзацах *Ф. Барбышева*

Михалков, Никита Сергеевич.

М69 Мои дневники / Никита Михалков. — Москва : Издательство «Э», 2016. — 576 с. — (Михалков Никита. Книги знаменитого актера и режиссера).

ISBN 978-5-699-90575-1

Это мои записные книжки, которые я начал вести во время службы в армии, а точнее, на Тихоокеанском флоте. Сорок лет катались они со мной по городам и весям, я почти никому их не показывал, продолжая записывать «для памяти» то, что мне казалось интересным, и относился к ним как к рабочему инструменту.

Что же касается моих флотских дневников, вообще не понимаю, почему я в свое время их не уничтожил. Конечно, они не содержали секретных сведений. Но тот, кто жил в советское время, может представить, куда бы укатились мои мечты о режиссуре, попадись это записки на глаза какому-нибудь дяденьке со Старой площади или тетеньке из парткома «Мосфильма». Потому и прятал я дневники все эти годы.

Но прошло время. И с такой скоростью, таким калейдоскопическим вихрем изменился ландшафт внешней и внутренней нашей жизни, что мне показалось — эти записи, сделанные то карандашом, то авторучкой, то в одном конце страны, то в другом, становятся определённым документом осознания времени, истории, человека.

УДК 791.43.071.1(470)
ББК 85.374(2)6-8

ISBN 978-5-699-90575-1

© Михалков Н., 2016
© Киноконцерн «Мосфильм» (Кадры из фильмов)
© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2016

Содержание

От автора	7
Призыв в тумане	15
Перелет	24
Борьба за смирение	30
ДНЕВНИКИ И ЗАПИСНЫЕ КНИЖКИ	36
Введение к дневникам 1972—1973 гг.	36
Первая тетрадь	38
Вторая тетрадь	132
Третья тетрадь	221
О Геннадии Шпаликове	240
Зарисовки на полях. «Повелители мира»	243
Армейские и флотские выражения	255
Шутливые армейские диалоги	256
Зарисовки из армейской жизни	258
Третья причина прервать киносеанс	288
Полет второй и заключительный	291

ЗАПИСНЫЕ КНИЖКИ 1980—1983 гг.	297
«Завоевательница» (<i>история одной актрисы</i>)	398
ЗАПИСНЫЕ КНИЖКИ 1989—1991 гг.	405
С Надей в Париже	446
К «Дмитрию Донскому»	494
ЗАПИСНЫЕ КНИЖКИ 1993 г.	509

От автора

Публикация записных книжек никогда не входила в мои планы. Но когда я оказался на берегу Тихого океана, в Краснознаменной Камчатской флотилии, на меня обрушилось такое количество впечатлений, что я просто не мог удержаться от того, чтобы не начать хотя бы фрагментарно их фиксировать. Поскольку понимал, что сохранить в памяти все удивительные ситуации, их детали, тонкости, словечки, речевые обороты было просто невозможно.

Тогда я и начал вести дневник, хотя по армейским законам это категорически запрещено. Когда же, через какое-то время, уже вернувшись с флота, я заглянул в эти помятые тетрадки и увидел, что там написано, меня охватил ужас. Потому что, если бы тогда, когда эти страницы писались, они попали бы кому-то на глаза, это могло иметь для меня самые серьезные последствия. Дело, конечно же, не в том, что я — диссидент, я никогда им не был, а в том, что те зарисовки, которые я тогда вносил в тетради почти ежедневно, при последовательном складывании их в сознании читателя давали, прямо скажем, довольно-таки жуткую картину. И тем более обидно, что эта жуткая картина вырисовывалась в стране, которую я очень любил и люблю.

Сравнительно недавно, работая над сценарием картины «Солнечный удар», я перечитывал «Окаянные дни» Бунина. И поймал себя на мысли, что если бы Иван Алексеевич писал

эту книгу по прошествии многих лет своего эмигрантского изгнания по воспоминаниям, в которых уже в известной мере затихла бы боль мгновенных впечатлений от революции и Гражданской войны в России, это была бы совсем другая книга. Возможно, более мудрая и гармоничная. Может, в ней было бы больше «литературной округлости», изысканности и чистоты формы, которой Бунин владел в совершенстве. Наверняка многое было бы «переформатировано», и в книге уже не соблюдалась строгая последовательность событий. Как литературное произведение эта книга могла бы получиться более совершенной, но ушло бы главное — этот нерв, это почти осязаемое ощущение оскорбленного самолюбия русского интеллигента, большого писателя, столкнувшегося не только с разъяренной людской массой, возбужденной революционными идеями, но еще и с трагическим опытом измены и предательства тех, кого Бунин считал той самой, ответственной за судьбы народные русской интеллигенцией, к которой он и себя причислял. Поэтому «Окаянные дни» у многих вызывали отторжение и нежелание узнать в авторе этой книги того, кто совсем еще недавно создавал тончайшую лирическую прозу — рассказы «Солнечный удар», «Митина любовь», «Легкое дыхание»... Образ писателя словно распался в сознании его читателей, привыкших к иному Бунину. На страницах «Окаянных дней» мы видим человека желчного, озлобленного, оскорбленного, больше не стремящегося ни к какой писательской «высшей объективности», не желающего ни прощать, ни понимать происходящего! И поэтому единственным способом борьбы с тем, что он победить не мог, было его раскаленное слово.

Часто дневники и записные книжки становились настоящим кладом не столько для современников автора, сколько для последующих поколений читателей. В том числе и для серьезных исследователей тех или иных событий в жизни государства. Ведь именно дневники наиболее точно определяют время — у их автора, как правило, не существует внутреннего цензора.

Когда мы работали с Сашей Адабашьяном над сценариями «Механического пианино» и «Обломова», пришли к одному очень интересному выводу: экранизировать надо не произведение, а автора! То есть главным в работе над текстом должен стать не сам текст, а то ощущение времени, в котором жил автор. А фиксируется это ощущение точнее и ярче всего в дневниках, записных книжках, письмах...

* * *

Признаться, к дневникам своих сверстников (в школе и в институте дневники вели в основном девочки) я относился снисходительно и даже с некоторым пренебрежением. Ну что ты, мол, записываешь каждый свой день — что делал, где был, что ел, с кем разговаривал? Кому это интересно? Разве самому тебе не скучновато?!..

Тогда я не понимал, что дневник — это как дорогое вино, которое со временем начинает приобретать совершенно иное, уникальное качество! А поскольку мне эти мысли в голову не приходили, ни в детстве, ни в юности дневников я не вел. Только оказавшись на Тихоокеанском флоте, на Камчатке, вдалеке от дома, я понял, что столкнулся с совершенно иным, незнакомым мне миром и если хоть как-то не зафиксирую его для себя, он вскоре сотрется из памяти, и восполнить это будет абсолютно невозможно. С этого момента я начал вести записи — иногда фрагментарные и конспективные, порой схематичные, в надежде, что спустя какое-то время я смогу расшифровать их из скороговорки аббревиатур и сокращений.

Собственно то, что можно назвать дневниками, это мои записи во время уникального нашего похода с юга Камчатки до севера Чукотки, который длился 117 суток. Именно это можно в какой-то степени считать дневником. Остальные записные книжки не имеют хронологического или даже логического порядка. Это поразивший вдруг пейзаж. Это раздумье над какой-то ситуацией. Это внезапная сценарная задумка. Это зафиксированное внутреннее ощущение, вызванное ли-

Дневник — это как дорогое вино, которое со временем начинает приобретать совершенно иное, уникальное качество!

бо состоянием природы вокруг, либо общением с невероятно интересным мне в этот момент человеком... Либо возникшая внезапно перед глазами картинка из еще неснятого, и даже незадуманного фильма, но которая сама по себе была так богата, что хотелось специально к ней придумать эпизод и встроить его в новый фильм.

То есть это — записи, которые ведут очень многие люди творческих профессий. Естественно, не хочу ни с кем себя сравнивать, но именно в записных книжках Антона Павловича Чехова в свое время мы с Адабашьяном обнаружили всего одну фразу: «Механическое пианино», и этот образ пианино, играющего само по себе, сразу придал особый аромат и некую фантазмагорическую странность тому усадебному миру, в котором существовали герои нашего фильма по мотивам ранней чеховской пьесы «Безотцовщина». Сам факт присутствия в кадре механического пианино, взрывающегося внезапными аккордами, замечательно иллюстрировал монотонность беспечной и сонной, казалось бы, усадебной жизни, вдруг вспыхивающей страстями.

Я очень редко перечитывал свои записные книжки, а к армейским дневникам не возвращался более 40 лет, и только готовясь к публикации своей предыдущей книги («Территория моей любви»), начал их разбирать, пересматривать и с удивлением увидел, что хотя многие записи и не связаны напрямую с моими кинолентами, но содержат именно те импульсы, которые затем переросли в те или иные драматические повороты сюжета или характеры героев впоследствии написанных сценариев и снятых картин.

То есть все это не осталось просто сублимацией тоски на-

ходящегося на краю света, вдали от родного дома человека, а оказалось воплощено потом в практической работе.

Впрочем, с огромным сожалением увидел я там и другое: какое огромное количество задумок так и осталось на страницах забытых тетрадок... Но при этом меня посетила и радость осознания того, что многие тогдашние наброски и мысли меня волнуют и сегодня, а значит, есть в них нечто такое, что не подвержено коррозии времени.

* * *

Как я уже говорил, в 70-е годы в Советской армии и на флоте к такому понятию, как дневник, было отношение довольно негативное. Это было связано и с опасностью разглашения секретных сведений, да и просто нежелательно было посвящение гражданских лиц во внутреннюю жизнь армии и флота. Не помню, было ли это прописано в уставе, но и старшины, и мичманы не раз предупреждали, что в наших тумбочках, кроме писем с родины и тетрадок с конспектами занятий, других записей быть не должно.

Но я числился человеком творческим, а кроме того, при подготовке к походу (о котором пойдет речь дальше) и во время похода работал внештатным корреспондентом «Комсомольской правды» и «Камчатского комсомольца» и обязан был писать некие очерки нашего путешествия, этакие идеологически выверенные репортажи-отчеты из всех пунктов маршрута. Таким образом, мое существование с авторучкой и блокнотом стало для командиров вещью вполне обыкновенной, и какие-то тетрадки, ручки и карандаши в моей тумбочке не вызывали никаких вопросов.

Так что писать возможность я имел, но по мере заполнения страниц все лучше понимал, что попади мои записи к руководству, добром для меня это не кончится. Я ведь записывал все, что было мне интересно! Причем никак не фильтровал своих впечатлений, переносил их на тетрадные листы!

Кроме того, в то время я уже готовился к первой полнометражной картине «Свой среди чужих, чужой среди своих» и,

если бы не был призван в армию, уже приступил бы, наверное, к съемкам. И так как голова была занята этим, иные мои наблюдения тут же пытались найти свое место в ткани будущей картины... Итак, я вел дневник и не без оснований надеялся, что мою тумбочку «шмонать» все же не будут. Тем более, в ней всегда было много книг, писем, журналов, и это вызывало даже некоторое уважение у офицерского состава.

* * *

Готовя к печати дневники, я совершенно четко понимал, что собственно дневниковый текст, сам по себе, как бы ни был интересен, требует определенных дополнений и разъяснений. Их незачем прописывать, если автор оставляет свои записи «для внутреннего пользования», но необходимо сделать, если записи уже предназначаются для публикации.

Чтобы в настоящем издании рассказ о моей армейской службе был наиболее целостен и полон, а у читателей не возникло впечатления, что они «смотрят кино не сначала», я посчитал нелишним предварить свои армейские дневники рассказом о моем призыве в армию и первых днях службы. Этот рассказ составил когда-то несколько глав моей предыдущей книги «Территория моей любви» — я привожу его и здесь, несколько расширив, но никак не смешивая с текстом дневников.

Из той же книги я поместил сюда по окончании дневника рассказ о своем дембеле и еще некоторые записи, имеющие прямое отношение к армейской теме. А кроме того, добавил несколько любопытных, на мой взгляд, историй, связанных с авиаперелетами на тихоокеанскую службу и обратно.

Сами же записки снабдил некоторыми примечаниями и комментариями на тех страницах, где они действительно необходимы. Порой эти комментарии связаны с моим теперешним несогласием с собой же двадцатисемилетним, излишне категоричным и безапелляционным в оценках людей и событий (дань молодому максимализму). Но чаще комментариев

просто вносит пояснение к некоторым фрагментам текста или отдельным словам, именам персоналий, малоизвестным понятиям, в том числе к специально-военным, географическим, этнографическим терминам либо к специфическим приметам того времени, которые могут быть непонятны современному читателю.

Честно скажу, особенно тревожит меня лишняя категоричность в оценках тех или иных людей, с которыми сводили армейские дороги и к которым сегодня, с позиции зрелого опыта, я отнесся бы совсем иначе. Думаю, «смягчающим обстоятельством» здесь послужит то, что записи эти сделаны человеком в достаточно экстремальных условиях, да еще и не достигшим 30-летнего возраста.

Но «из песни слова не выкинешь», поэтому вымарывать эти суждения и оценки из публикации все-таки не буду (тогда собьется общее дыхание повествования, что-то станет совершенно непонятным), а просто попрошу сердечного прощения у тех людей, которых против своей воли мог чем-либо обидеть. Хотя при наличии здорового чувства юмора и самоиронии обижаться там, надеюсь, не на что. И думаю, читатель почувствует, что, рассказывая о ком бы то ни было, я не испытывал чувства самодовольства или превосходства.

Когда ты оцениваешь людей спустя время — это уже устоявшаяся человеческая позиция, но когда эта оценка фиксируется в тот самый день, когда происходило общение с ними, совершенно естественно она может быть окрашена минутным раздражением, обидой, субъективной спецификой той или иной ситуации... Но нивелировать и смягчать сегодня те мои реакции на происходящее будет не совсем честно, в этом случае и ценность дневниковой записи станет сомнительна.

* * *

По окончании всей моей армейской истории, как дневниковой, так и автобиографической, я поместил в книги записные книжки последующих лет (от 1973-го до 1993-го). В них уже

нет такого подробно выписанного и большого «куска жизни», как наш «чубаровский поход» во время моей тихоокеанской службы, но и в них тоже — кажущиеся мне любопытными наблюдения, мгновенные впечатления, размышления о жизни страны и о собственной жизни и многое другое.

Немалое место в блокнотах, которые я вел, уже работая в профессии, конечно же, занимает «поток режиссерского сознания» — наброски будущих сценариев, зарисовки мизансцен, размышления о картинах коллег, описания операторских приемов и актерских ходов. То есть все то, что относится к профессии. Может быть, это пригодится кому-то из моих молодых коллег.

Но обо всем по порядку. Итак, я должен был идти в армию...

Призыв в тумане

Я был приписан в Алабино, в кавалерийский полк, где в основном служили молодые кинематографисты и другие творческие работники, уже получившие творческую профессию. Это было решено априори, и я пребывал в полной уверенности, что именно туда и попаду. Так как я учился и снимался, у меня была отсрочка. Но она перестала действовать, как только я окончил институт. Мне было двадцать шесть лет, и военкомат торопился меня отправить в армию, потому что еще немного, и исполнится двадцать семь, а это уже возраст, после которого призвать на срочную службу нельзя.

Все шло своим чередом. Я снимался у Сережи Соловьева в картине «Станционный смотритель» и ждал окончания съемок. Сережа так рассчитал график, что к моменту, когда меня заберут в армию, он закончит снимать. Хотя, как правило, если актер, который попадал в кавалерийский полк, не успевал закончить съемки, его отпускали на «Мосфильм» завершить работу. Так у меня снимался Кайдановский в картине «Свой среди чужих» — он одновременно проходил срочную военную службу.

Но случились обстоятельства, которые я не мог вообразить даже в самом фантазийном и замысловатом сне. Дело в том, что в это время у меня был роман с Олей Полянской — замечательной девушкой: красивой, нежной, умной,